

Александр Алексеевич Богданов

Бунт

Александр Богданов

Бунт

«Public Domain»

1926

Богданов А. А.

Бунт / А. А. Богданов — «Public Domain», 1926

«Сумрачны подернутые туманной завесой дали. Обложной дождь уже третий день поливает дорогу и поля. Холодно по-осеннему, хотя только еще начало лета. Тучи низко и быстро несутся над землей косматыми птицами. Придорожные ветлы с отяжелевшими ветвями издали круглятся, как большие черные шатры. Пусто в полях, лишь кое-где копошатся, несмотря на дождь, люди...»

© Богданов А. А., 1926

© Public Domain, 1926

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Александр Алексеевич Богданов

Бунт

Сумрачны подернутые туманной завесой дали. Обложной дождь уже третий день поливает дорогу и поля. Холодно по-осеннему, хотя только еще начало лета. Тучи низко и быстро несутся над землей косматыми птицами. Придорожные ветлы с отяжелевшими ветвями издали круглятся, как большие черные шатры. Пусто в полях, лишь кое-где копошатся, несмотря на дождь, люди.

Братья Тихоновы отмеривают версты по вязкой, глинистой дороге. Старший, Прохор, прямой, тщедушный и тонкий, как щепка, в промокшем насквозь коричневом домотканом зипуне. Младший, Гришка, еще подросток, в холщовой рубашке и пестрядинных штанах. Вместе с ними их сосед Липат, кряжистый и сутулый, с круглой рыжей бородой, положенной на грудь, как большой лесной гриб масленок.

Шагают мерно, нога в ногу, точно ставят глубокие печатки в сырую землю. Из троих только один Прохор в лаптях и онучах, сплошь залитых грязью. Он время от времени прикашливает в руку, подставляя ее горстью ко рту. Кашель короткий и отрывистый, похожий на чиханье овцы. Липат и Гришка босиком, – жалко трепать по плохой дороге лапти. Гришка раздосадован: он наколот ногу не то на обломок подковы, не то на кость, и подковыливает, боясь отстать. Он хотя и недоволен братом, который без устали гонит их вперед, но молчит, не смея поперечить и будучи во всем послушен большаку.

– Ну и путя! Не чаешь, как до ночлега добраться!.. Говорил, надо бы переждать, – замечает вполголоса, как бы про себя, Липат.

– А чем харчиться станем? – хрипит в ответ Прохор.

Он говорит с трудом, словно выдавливая из простуженной груди каждое слово.

И опять идет молча. Хлюпает под босыми ногами грязная жижа, словно голодный зверь чавкает.

Неугомонный Прохор прибавляет шаг, торопится, чтобы к ночи обязательно попасть в Наскафтым, базарное мордовское село, где происходит наем батраков. Главная причина та, что взятый из дому хлеб уже весь вышел, и завтра во что бы то ни стало надо получить работу. Кстати – завтра воскресенье, день наемки.

Пробежала тройка, разбрызгивая грязь. В крытом рессорном экипаже – не то владелец поместья, не то кто-нибудь из больших властей, вроде земского. Вытянув во весь тарантас ноги и прикрывшись с головой дорожным плащом, проезжающий мирно дремлет.

Батраки торопливо шарахаются в сторону. Гришка, бухнувшись в колдобину, со злобой бурчит:

– Ишь, будь вы трижды прокляты! Чуть не задавили!..

Гришке теперь еще досаднее от того, что вот он должен месить грязь; самая дорога кажется трудней, верещит больная нога; в пустом животе урчание... Эх, разве же это жизнь!..

подаваясь ближе к Липату, он говорит:

– Дядь Липат! Слышь, дядь Липат!.. Почему это так? Одни вот с голодухи да разумши-раздемши мрут, а другие в каретах катаются? Чать, все люди от одного человеческого естества происходят?

Слова Гришки задевают Липата за самое больное место; он оборачивается и со злостью бросает:

– Ты чего, парень, зудишь в самое ухо, как комар? Тюкну вот тебя по затылку, чтобы не бередило зря!.. Есте-е-ство! Слышали мы много этих слов, а прок какой?

Гришка понимает, что дядя Липат сердится собственно не на него, а на всю свою горемычную жизнь, что дяде Липату самому так же больно и досадно. И Гришке от этого легче, он не обижается, а спокойно, даже с некоторой усмешкой, говорит:

– Ты бы, дядя Липат, тюкнул лучше вот этого барина!

– Придет время, тюкнем! – мрачно обрывает Липат.

Оба смолкают. Каждый погружен в свои мысли о тяжелой мужицкой доле, трудах, болезнях, скитаньях, нужде. Когда же будет им конец?

Перешли балку, поросшую кустарником и ползучими стеблями ежевики. По гребню балки сухое бодылье топорщится. Грусть одна. Дальше дорога свернула на увал.

Ветер переменялся, подул с юго-востока. Прохор оживленно встряхивается, в глубоких серых глазах его светятся искорки надежды.

– Надо быть завтра хорошей погоде!.. Вишь, ветер со степи пошел!

С увала далеко видны квадраты полей: зеленая пшеница, сизые овсы, черные пашни. За полями – большое, раскинувшееся на несколько верст, село.

– Вот и Наскафтым! – говорит Прохор. – Попадем в самый раз к наемке.

Липат тоже оживляется.

– Баяли встречные бурлаки¹, что тут на графскую экономию много народу требуется... Только управитель у этого графа настоящий лютый пес!

– Все они для нашего брата псы!.. – откликается Прохор.

На широкой площади села Наскафтыма по воскресеньям народу – нетолченая труба. Торговцы, с красным и иным товаром на возах, прасолы, батраки, богомольцы, больные, ожидающие приемной очереди в больнице, и вообще сельчане, особенно бабы, находящие удовольствие в том, чтоб поглазеть на других и потолкаться.

Вокруг площади торговые и трактирные заведения, казенная винная лавка, волостное правление, полицейский стан, дома духовенства и местных богачей.

В трактире настезь распахнуты дверию Над воротами вывеска: «Отрада» – чайная купца Парамонова. Около трактира вытоптана кружевина. Здесь сложены после стройки старые бревна, кучи мусора и кирпичей. И здесь же происходит наемка батраков.

Начиная с весны, как только солнце пригреет ожидающую землю, больше трех миллионов их растекается широкими потоками во все концы России. С мешками и косами за спинами, рваные и босые, с опухшими ногами, покрытыми ссадинами и мозолями, идут они, часто сами не зная куда, пока, наконец, нужда не забросит их в господскую усадьбу, к лавочнику, прасолу, кулаку или попу.

Рано утром, пока еще не догорели на востоке рдяно-золотые полосы зари, Прохор и спутники его уже были на площади. День обещал быть ясным и солнечным. Омытое дождями, голубело прозрачное небо.

Людской гомон плывет по площади, сливаясь с последними ударами церковных колоколов. Кончается обедня, народ выходит из церкви. Прасолы и другие хозяева-наемщики чтут старые обряды: раньше, чем не кончится церковная служба, никто из них и не подумает рядиться с батраками.

Прохор сидит на земле, широко расставив ноги и подоткнув под себя уже успевший просохнуть зипун. Он жмурится от солнечных лучей и часто моргает воспаленными от грязи и простуды глазами.

Рядом такие же, как и он, исхудавшие за зиму, оборвавшиеся и уставшие от долгого пути рабочие из Пензенской, Тамбовской, Нижегородской и других губерний. Немного подальше – кучка татар в круглых шапочках-тюбетейках. Еще подальше мордвины – в белых до колен

---

¹ Бурлаками в черноземной полосе звали странствующих земледельческих рабочих.

холщовых рубахах. Мордвин охотней всего берут на работу, они послушны, нетребовательны, сговорчивы в плате и все хорошие косцы.

На мгновение смолкает гомон. По рядам батраков проходит сдержанный гул.

– Черномор пришел!.. Черномор!..

Черномором зовут Флора Евлампиева, конторщика Суховражеского имения графов Уваровых. Кличку эту ему дали за землистый цвет лица и еще за то, что он жаден, хитер, суров и безжалостен к рабочим, выжимая из них соки не столько для обкрадываемого им хозяина, сколько для своего кармана.

Черномор идет с несколькими прасолами, – они делают пока предварительный осмотр... В руках Черномора ременная плетка, какую употребляют на псарнях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.